

**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ
СТРУКТУРА
КОНФЕССИОНАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА**

*А. Г. Манаков*¹

*В. С. Дементьев*²

К юго-востоку от Балтийского моря находится зона стыка трех направлений христианства: православия, католичества и лютеранства. Три этих религиозных направления являются господствующими в Балтийском регионе и определяют культурную специфику разных его частей. Вместе с тем они имеют опосредованную связь с уровнем социально-экономического развития территорий. Цель данного исследования — выявление основных компонентов территориальной структуры, а также факторов формирования и трансформации конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона. Сложность конфессиональной структуры населения данных территорий объясняется политической буферностью этих земель в течение нескольких столетий.

Новизну работы представляет расчет современной потенциальной конфессиональной структуры населения и индекса потенциальной религиозной мозаичности на уровне низовых административных единиц стран и регионов, расположенных к юго-востоку от Балтийского моря. На этой основе выделены основные компоненты территориальной структуры конфессионального пространства, включающие три конфессиональные плиты и контактные зоны между ними. С практической точки зрения выделенные компоненты структуры конфессионального пространства выводят на новый вариант территориальной дифференциации Балтийского региона, который только частично согласуется с районированием, основанном на этнических и социально-экономических критериях.

Ключевые слова: конфессиональное пространство, Северо-Запад России, Прибалтика, Беларусь

Введение

Балтийский регион в конфессиональном отношении четко делится на три части: лютеранские север и запад, католический юг и православный восток. Причем такое членение региона, будучи культурно-географическим, мало отличается от дифференциации по социально-экономическим параметрам (богатый север, менее богатый юг и относительно бедный восток). При этом зона стыка трех названных направлений христианства находится к юго-востоку от Балтийского моря, предопределяя этнокультурную буферность этих территорий.

---

¹ Псковский государственный университет, 180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2.

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

Поступила в редакцию 11.09.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-7

Для цитирования:

Манаков А. Г., Дементьев В. С. Территориальная структура конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 1. С. 92—108. doi: 10.5922/2078-8555-2019-1-7.

© Манаков А. Г., Дементьев В. С., 2019

Целью исследования является выявление основных компонентов территориальной структуры, факторов формирования и трансформации конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона.

Регион исследования включает в первую очередь Прибалтику (или страны Балтии: Эстонию, Латвию и Литву) и Северо-Запад России (Санкт-Петербург, Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую и Калининградскую области). В Балтийский регион в расширенном понимании включают также Республику Беларусь [1]. Такой подход реализуется и в данном исследовании, благодаря чему удалось уточнить границы основных структурных компонентов конфессионального пространства юго-востока Балтийского региона.

Степень изученности проблемы. Изучение конфессионального пространства (или религиозного ландшафта) чаще всего связано с географическим исследованием культурного разнообразия мира [2; 3] крупных поликонфессиональных стран, (например, США [4], России [5]) или небольших территорий, обладающих наиболее сложной этноконфессиональной структурой населения [6—11]. Во втором случае актуальность изучения современной конфессиональной географии представляют также политические проблемы, связанные с этноконфессиональной мозаикой территорий, которая подвергается трансформации в результате войн и миграционной подвижности населения. При этом обычно рассматривается динамика религиозного ландшафта за длительный интервал времени [12; 13].

Особый интерес исследователей вызывают страны бывшего социалистического лагеря, которые ныне претерпевают значительную этноконфессиональную трансформацию, вызванную ускорением миграционных процессов, зачастую имеющих заметную национальную составляющую. В пределах обозначенного выше региона изучение динамики конфессиональной структуры населения обычно сопряжено с обзором этнополитических проблем развития стран и территорий. В первую очередь это касается стран Балтии [14—16]. Имеются также исследования, посвященные современным изменениям в конфессиональном пространстве России и постсоветских стран [5; 17; 18].

Многие работы в рамках конфессиональной географии имеют историко-географический характер. Так, в пределах изучаемого региона следует отметить работы, оперирующие статистическими данными XVIII—XIX веков (результаты ревизий и Первой всеобщей переписи населения 1897 года) и начала XX века [19—22]. Также отметим работы, посвященные конфессиональной географии Республики Беларусь [23], Петербургского [24] и Псковского [25; 26] регионов. Ранее нами был проведен историко-географический анализ динамики этнического состава населения на уровне низовых административных единиц (уездов, районов) в пределах Северо-Запада России [27], Эстонии и Латвии [28] с конца XIX века по настоящее время, который послужил основой для проведения данного исследования.

Источниковая база и понятийный аппарат исследования

В качестве информационной базы выступают итоги первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, результаты переписей населения Советского Союза (1959, 1989), Российской Федерации (2010)¹, Республики

¹ *Демоскоп Weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/search.php> (дата обращения: 15.08.2018).

Беларусь (2009), Эстонии, Латвии и Литвы (2011)². Современная статистика обработана на уровне низовых административных единиц: муниципальных районов в Российской Федерации и Республике Беларусь, уездов в Эстонии, районов в Латвии (в границах до 2009 года), самоуправлений в Литве.

Исследование проведено в рамках традиционного (этнорелигиозного) понимания конфессионального пространства. Хотя один из основоположников этого подхода П. И. Пучков говорил о том, что религиозную общность нельзя отождествлять с этнической общностью [29], но представляется важным сам факт рассмотрения взаимосвязи между определенными этносами и религиями.

Обычно в конфессиональном (религиозном) пространстве выделяют две основные территориально выраженные составляющие: духовную (религиозную принадлежность верующего населения) и религиозно-культурную инфраструктуру (или материальные объекты религиозной сферы) [30]. Иногда конфессиональное пространство отличают от религиозного, рассматривая его как категорию, обладающую определенными параметрами: структурой, размерностью и морфологией [6]. С. Г. Сафронов [22] предлагает выделять на макроуровне следующие элементы конфессионального пространства: 1) крупные конфессиональные плиты, образуемые мировыми религиями (христианством, исламом и буддизмом); 2) контактные зоны, где происходит наложение сфер влияния мировых религий.

В пределах региона исследования господствует только одна из мировых религий, однако представлена она сразу тремя крупными направлениями — православием, католицизмом и лютеранством. Эти направления географически также можно представить в виде «малых конфессиональных плит», зоны стыка которых равнозначны более или менее заметным «культурным разломам» в регионе исследования.

Конфессиональные плиты располагают большими и малыми «ядрами», и в Прибалтике также можно выделить два малых «ядра» плит: в Литве (католическое) и в Эстонии (лютеранское). На востоке и юго-востоке региона территории распространения католичества и лютеранства обрамляются православной плитой, «ядро» которой находится в центральной части Восточно-Европейской равнины (Россия и Беларусь). Конфессиональные плиты нередко накладываются одна на другую, потому существует необходимость четкого разграничения их «ядер» и «контактных зон». Для изучения конфессиональной структуры населения определенных территорий часто используют аналог индекса этнической мозаичности (ИЭМ) Б. М. Эккеля [31] — индекс религиозной мозаичности (ИРМ) [21]. По аналогии с ИЭМ индекс религиозной мозаичности можно рассчитать для любой территориальной единицы по формуле

$$\text{ИРМ} = 1 - \sum (P_i)^2,$$

где P_i — доля приверженцев i -й религии ($i=1,2,\dots$) в регионе.

Ранее нами было предложено использовать данный индекс для выделения контактных зон двух классов — «неярко выраженных» (ИРМ от 0,2 до 0,4) и «ярко выраженных» (ИРМ свыше 0,4) [21]. К примеру, ИРМ=0,2 соответствует конфессиональной структуре населения, когда доля приверженцев основной религии составляет около 90%; ИРМ=0,4 — если примерно каждый четвертый не является приверженцем господствующей религии. К «ядрам» конфессиональных плит мы предлагаем относить территории, где ИРМ ниже 0,2, а территории с более высокими значениями ИРМ — уже к

² *Population statistics of Eastern Europe & former USSR*. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 15.08.2018).

«контактным зонам». Соответственно, критерием для выделения «ядер» конфессиональных плит нами предлагается рубеж в 90% населения, исповедующего определенную религию (или потенциальных приверженцев той или иной религии).

В случае если отсутствует официальная статистика по религиозному составу населения (например, конфессиональная принадлежность населения не определялась во время советских переписей населения 1959, 1989 годов, постсоветских переписей 2009 и 2010 годов в Республике Беларусь и Российской Федерации), специалисты по конфессиональной географии рекомендуют рассчитывать потенциальный конфессиональный состав населения. Потенциальная конфессиональная структура населения рассчитывается исходя из традиционной религиозной принадлежности этносов, проживающих на конкретной территории [22]. Аналогично для административных единиц можно рассчитать индекс потенциальной религиозной мозаичности (ИПРМ). Для изучения территориальной структуры конфессионального пространства из-за необходимости совместного рассмотрения территорий Российской Федерации, Республики Беларусь и стран Балтии нами используется именно такой расчетный показатель.

Православные и старообрядцы. Наиболее ранней религией в регионе исследования является православное направление христианства. На современной территории Северо-Запада России и Беларуси православие закрепилось фактически сразу после Крещения Руси в 988 году. В последующем православная религия распространилась также на востоке современной Латвии (в Латгалии), в то время зависимом от полоцких князей, но в XIII веке была вытеснена оттуда немецкими рыцарскими орденами.

Возвращение православия в Прибалтику началось во время Ливонской войны 1558—1583 годов, особенно это касалось современных территорий Эстонии и Латвии. Во второй половине XVII века вследствие раскола Русской православной церкви начались миграции старообрядцев в приграничные с Россией земли, в том числе на западное побережье Чудского озера и в Латгалию.

Включение шведских Эстляндии и Лифляндии в состав Российской империи по итогам Северной войны 1700—1721 годов привело к новым миграциям на эти территории православного (преимущественно русского) населения. Несколько меньший поток православных был направлен в Литву после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году. Тем не менее в Виленской губернии была высока доля православных белорусов.

Согласно итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года наиболее высока была доля православных (со старообрядцами) в Новгородской и Псковской губерниях (свыше 95%), являвшихся частью «ядра» православной плиты. Заметно ниже была доля православных в Санкт-Петербурге (85,9%) и Санкт-Петербургской губернии (78%). На территории современной Эстонии православные и старообрядцы составляли в сумме около 15%, Латвии — 12,7%, Литвы — 6,3% (табл. 1).

В советское время основным фактором трансформации потенциальной конфессиональной структуры населения Эстонии, Латвии и Литвы была миграция в Прибалтику русского, белорусского и, в меньшей степени, украинского населения. Соответственно, удельный вес потенциально православного населения быстро рос, особенно в Эстонии и Латвии. В то же время все регионы Северо-Запада России прочно закрепились в «ядре» территорий с преобладанием потенциально православного населения (рис. 1).

Таблица 1

**Доля православных и старообрядцев среди верующего населения
(в скобках — потенциальная доля православных), %³**

Регион	1897	1959	1989	2010/2011
Санкт-Петербург / Ленинград	85,9	(92,7)	(95,1)	(95,8)
Ленинградская область / Санкт-Петербургская губерния	78,0	(96,4)	(97,4)	(96,9)
Новгородская область / губерния	98,3	(98,9)	(98,5)	(98,0)
Псковская область / губерния	95,2	(98,7)	(98,6)	(98,3)
Калининградская область	—	(94,1)	(95,5)	(94,6)
Эстония	14,9	(22,6)	(35,7)	35,2 (28,8)
Латвия	12,7	(31,3)	(42,6)	(32,7)
Литва	6,3	(10,4)	(12,5)	4,9 (7,7)

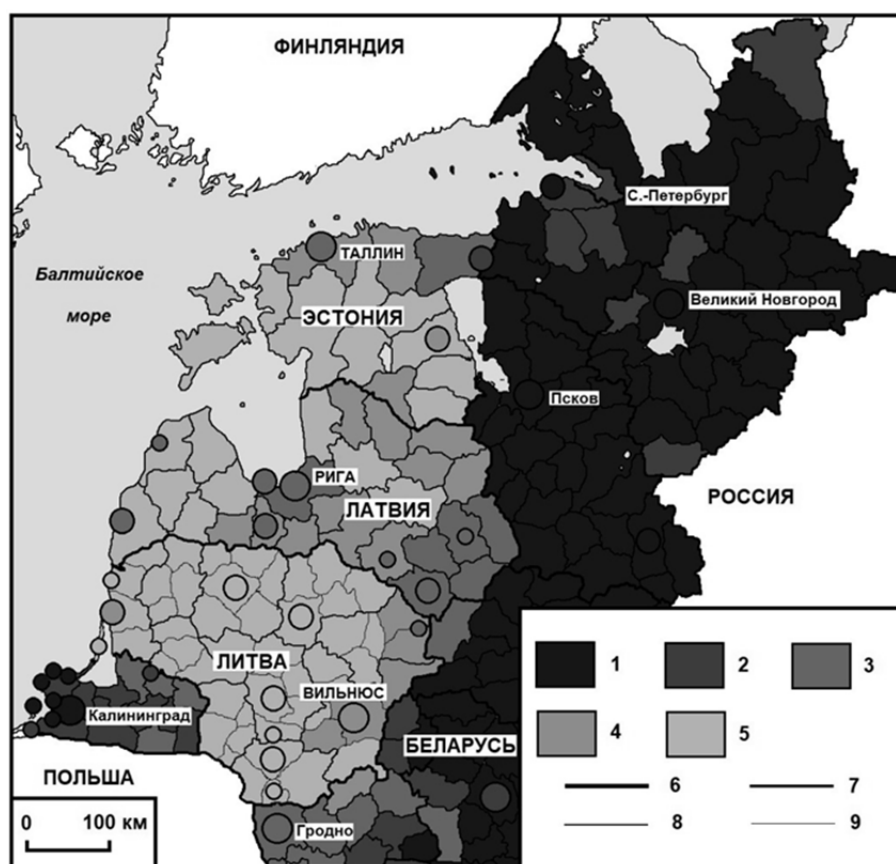

Рис. 1. Доля потенциально православного населения, %
(в Республике Беларусь — по переписи 2009 года, в России — 2010-го,
в Эстонии, Латвии и Литве — 2011-го):

1 — 95,0 и более; 2 — от 90,0 до 94,9; 3 — от 25,0 до 89,9; 4 — от 10,0 до 24,9; 5 — 9,9 и менее.
Границы: 6 — государств, областей (РФ и РБ); 7 — уездов (Эстония и Литва);
8 — районов (РФ, РБ и Латвия); 9 — самоуправлений (Литва)

³ Рассчитано авторами по: *Демоскоп Weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/search.php> (дата обращения: 15.08.2018); *Population statistics of Eastern Europe & former USSR*. URL: <http://pop-stat.mashke.org> (дата обращения: 15.08.2018).

В постсоветский период вместе с оттоком русскоязычного населения в странах Балтии происходило уменьшение доли потенциально православного населения. Но следует особо обратить внимание на соответствие реального и потенциального конфессионального состава населения в Эстонии и Литве, где во время переписи 2011 года задавался вопрос о религии. Так, в Эстонии 54,1 % населения ответили, что не чувствует привязанности к какой-либо религии, еще 2,4 % не определили свою религиозную принадлежность, а 14,4 % отказались от ответа⁴. При этом относительно населения, не признавшего себя атеистами или отошедшими от религии, православными назвали себя 35,2 %, то есть заметно больше, чем составляет потенциально православное население (28,8 %). Исходя из этого можно предположить, что православная религия является консолидирующим фактором русскоязычного населения в Эстонии, чего нельзя сказать про Литву, где русскоязычное население подверглось большей секуляризации, чем литовцы.

Римско-католики. Внедрение католической религии в регионе началось только в XIII веке и осуществлялось первоначально немецкими рыцарскими орденами (Орденом меченосцев с 1202 года, Ливонским орденом — с 1237-го). Именно эта католическая экспансия натолкнулась на востоке на православную плиту, создав в итоге культурный барьер, который сохраняется и поныне и совпадает сейчас с западной границей России.

Однако в дальнейшем католическая плита претерпела серьезные изменения. С конца XIV века католическую религию начинает принимать Литва (как итог Кревской унии 1385 года с Польшей) и завершает этот процесс уже во второй половине XVI века (после Люблинской унии 1569 года), в результате чего создается Речь Посполитая, захватившая большую часть Прибалтики. Однако в XVII веке по итогам польско-шведской войны 1621—1626 годов Речь Посполитая утратила Ливонию, то есть большую часть территорий современной Эстонии и Латвии (кроме Латгалии). На землях шведской Эстляндии и Лифляндии католическая религия уступила свое место лютеранству.

Таким образом, не только ядро католической религии в регионе переместилось в Литву, но и вся католическая плита сместилась к югу, закрепившись в Литве и Латгалии (в то время частях Речи Посполитой). После разделов Речи Посполитой (в 1772 и 1795 годах) в этих регионах сохранилось господство католической религии. Исключение составило бывшее Курляндское герцогство, перешедшее к лютеранской вере.

Согласно итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года наиболее высокой долей католиков была на территории современной Литвы — 75,8 % (в то время Ковенской и Виленской губерний) и Латгалии — свыше 50 % (западной части Витебской губернии, ныне востоке Латвии) [21]. На Северо-Западе России доля католиков была повышена в Санкт-Петербурге (4,2 %), что было связано с концентрацией в столице выходцев из зарубежной Европы (табл. 2).

В советское и постсоветское время доля католиков на Северо-Западе России стала незначительной, также уменьшился удельный вес католиков-латгальцев в Латвии. В Литве благодаря повышенному естественному приросту происходил рост доли коренных жителей, а вместе с ним рос удельный вес католического населения. Небольшое превышение в Литве доли католиков (рассчитанной от населения, назвавшего свою конфессиональную принадлежность) над потенциально католическим населением свидетельствует о значительной роли религии в самоидентификации литовцев (рис. 2).

⁴ *Religious composition of Estonia 2011 // Population statistics of Eastern Europe & former USSR.* URL: <http://pop-stat.mashke.org/estonia-religion2011.htm> (дата обращения: 25.08.2018).

Таблица 2

Доля римско-католиков среди верующего населения
(в скобках — потенциальная доля римско-католиков), %⁵

Регион	1897	1959	1989	2010/2011
Санкт-Петербург / Ленинград	4,2	(0,6)	(0,2)	(0,1)
Ленинградская область / Санкт-Петербургская губерния	1,4	(0,3)	(0,2)	(0,1)
Новгородская область / губерния	0,3	(0,1)	(0,1)	(0,1)
Псковская область / губерния	0,8	(0,1)	(0,2)	(0,1)
Калининградская область	—	(4,2)	(2,6)	(1,4)
Эстония	0,4	(0,3)	(0,4)	0,9 (0,3)
Латвия	20,2	(12,4)	(10,2)	(11,3)
Литва	75,8	(87,8)	(86,6)	92,2 (91,7)

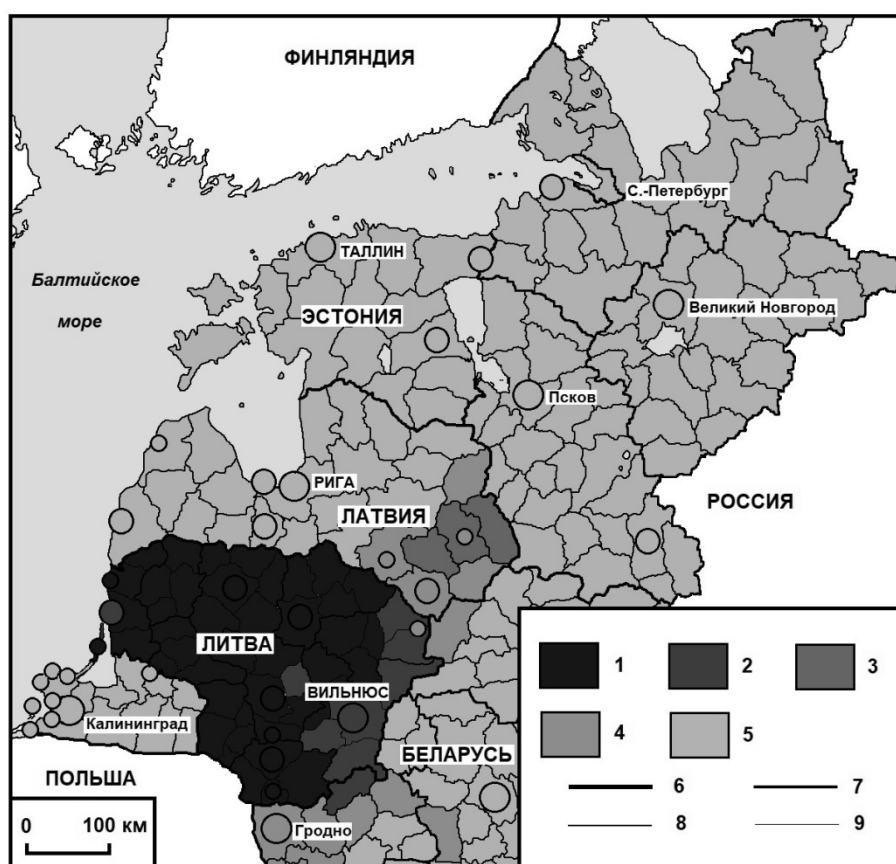

Рис. 2. Доля потенциально католического населения, %
(в Республике Беларусь — по переписи 2009 года, в России — 2010-го,
в Эстонии, Латвии и Литве — 2011-го):

1 — 90,0 и более; 2 — от 70,0 до 89,9; 3 — от 50,0 до 69,9; 4 — от 10,0 до 49,9; 5 — 9,9 и менее.
Границы: 6 — государств, областей (РФ и РБ); 7 — уездов (Эстония и Литва);
8 — районов (РФ, РБ и Латвия); 9 — самоуправлений (Литва)

⁵ Рассчитано авторами по: *Демоскоп Weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/search.php>; *Population statistics of Eastern Europe & former USSR*. URL: <http://pop-stat.mashke.org> (дата обращения 15.08.2018).

Протестанты. Формирование лютеранского компонента в конфессиональном пространстве региона приходится на XVII век, когда в результате польско-шведской войны 1621—1626 годов в состав Шведского королевства вошли Эстляндия и Лифляндия. Также лютеранство было принято в Курляндском герцогстве, сохранявшем вассальную зависимость от Речи Посполитой. В том же веке (в 1617 году по Столбовскому миру) Швеция получила земли к юго-востоку от Финского залива, названные Ингерманландией. На эти территории впоследствии переселились выходцы из принявшей лютеранство Финляндии — савакот и эврмейсет, получившие общее имя финны-ингерманландцы. После включения Ингерманландии в состав Российской империи финны оставались жить на этих землях, и только в советское время они были подвергнуты депортации (точнее, серии депортаций в 1940—1947 годах) [21].

Новая волна переселения лютеран (эстонцев и латышей из Эстляндской и Лифляндской губерний) в Санкт-Петербургскую и Псковскую губернии пришла на вторую половину XIX века. Перепись населения Российской империи 1897 года зафиксировала наибольшую долю протестантов (преимущественно лютеран) в Эстляндской (89,7%), Лифляндской (79,6%) и Курляндской (76,2%) губерниях⁶. Также высока была доля протестантов в Санкт-Петербургской губернии (преимущественно финнов-ингерманландцев и эстонцев) и в самой столице империи (табл. 3).

Таблица 3

**Доля протестантов среди верующего населения
(в скобках — потенциальная доля протестантов),%⁷**

Регион	1897	1959	1989	2010/2011
Санкт-Петербург / Ленинград	7,5	(0,5)	(0,3)	(0,2)
Ленинградская область / Санкт-Петербургская губерния	19,9	(2,2)	(1,0)	(0,5)
Новгородская область / губерния	0,9	(0,6)	(0,3)	(0,2)
Псковская область / губерния	2,0	(0,8)	(0,4)	(0,2)
Калининградская область	—	(0,3)	(0,3)	(0,9)
Эстония	84,0	(76,3)	(63,0)	27,2 (69,9)
Латвия	59,1	(54,4)	(45,5)	(54,4)
Литва	3,4	(0,7)	(0,2)	1,9 (0,1)

В советское время контактная зона православной и лютеранской плит сместилась в Прибалтику — доля потенциально протестантского населения на Северо-Западе России стала незначительной, а в Эстонии и Латвии стремительно уменьшалась вплоть до распада Советского Союза. В постсоветское время в Эстонии и Латвии вследствие оттока русскоязычных жителей обозначился рост доли потенциально протестантского населения. Однако секуляризация и атеизация в протестантской среде в XX—XXI веках происходила даже более высокими темпами, чем среди потенциально православного населения, о чем наглядно свидетельствуют результаты выявления конфессиональной

⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по вероисповеданиям и регионам // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php?reg=0 (дата обращения: 20.08.2018).

⁷ Рассчитано авторами по: Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/search.php>; Population statistics of Eastern Europe & former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org> (дата обращения 15.08.2018).

структуры населения Эстонии в 2011 году. Среди ответивших на вопрос о религии лютеранами назвали себя даже меньшее количество людей, чем православными. Суммарная доля протестантов среди тех, кто не причислил себя к собственно атеистам, а также к отошедшим от влияния религии, составила всего 27,2% (а собственно лютеран — 21,6%). Именно поэтому нами было принято решение использовать для картографического анализа на уровне низовых административных единиц не реальный (выявленный в результате опроса 2011 года), а потенциально протестантский состав населения (рис. 3).

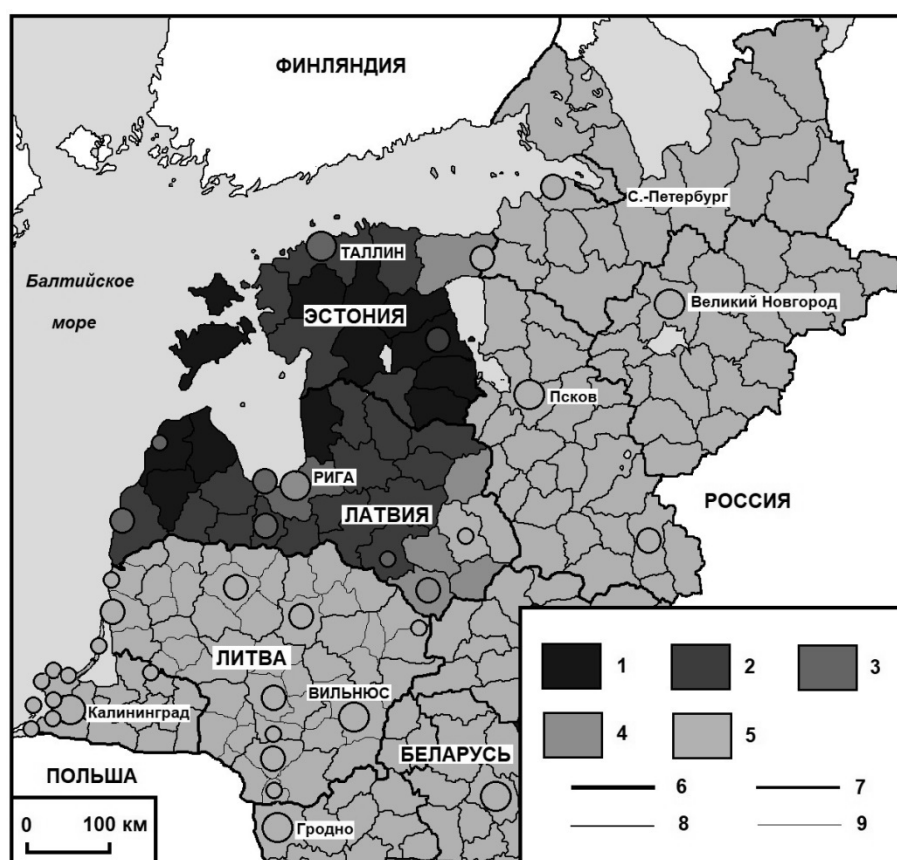

Рис. 3. Доля потенциально-протестантского населения, %
(в Республике Беларусь — по переписи 2009 года, в России — 2010-го,
в Эстонии, Латвии и Литве — 2011-го):
1 — 90,0 и более; 2 — от 70,0 до 89,9; 3 — от 50,0 до 69,9; 4 — от 10,0 до 49,9; 5 — 9,9 и менее.
Границы: 6 — государств, областей (РФ и РБ); 7 — уездов (Эстония и Литва);
8 — районов (РФ, РБ и Латвия); 9 — самоуправлений (Литва)

Основные компоненты территориальной структуры конфессионального пространства. К концу XIX века в соответствии с индексом религиозной мозаичности (табл. 4) регионы России (в губернских границах) и страны (в современных границах), расположенные к юго-востоку от Балтийского моря, можно было отнести к следующим компонентам конфессионального пространства (на мезоуровне).

Индекс религиозной мозаичности в 1897 году и индекс потенциальной религиозной мозаичности в 1959, 1989 и 2010/2011 годах⁸

Регион	1897	1959	1989	2010/2011
Санкт-Петербург / Ленинград	0,2539	0,1415	0,0956	0,0828
Ленинградская область / Санкт-Петербургская губерния	0,3512	0,0692	0,0507	0,0604
Новгородская область / губерния	0,0333	0,0218	0,0299	0,0402
Псковская область / губерния	0,0932	0,0266	0,0270	0,0332
Калининградская область	—	0,1126	0,0867	0,1046
Эстония	0,2718	0,3672	0,4757	0,4290
Латвия	0,5935	0,5911	0,6005	0,5843
Литва	0,4043	0,2180	0,2343	0,1525

Ядро православной плиты составляли территории Новгородской и Псковской губерний (ИРМ менее 0,2). К «неярко выраженным» контактным зонам (ИРМ от 0,2 до 0,4) относились территории Санкт-Петербургской губернии, Санкт-Петербурга и Эстонии (в современных границах). Но если столица империи со своей губернией располагалась на окраине территории с преобладанием православной религии (с наложением протестантской плиты), то земли Эстонии были окраинной частью протестантской (лютеранской) плиты с частичным наложением православной плиты. При этом уезды, примыкающие с юга к Санкт-Петербургу, благодаря проживавшим там лютеранам (финнам-ингерманландцам) представляли собой «ярко выраженную» контактную зону.

Современные территории Литвы и Латвии в то время можно было рассматривать как «ярко выраженные» контактные зоны (ИРМ свыше 0,4). При этом если на преимущественно католическую Литву частично накладывалась православная плита, то территория Латвии являлась зоной стыка всех трех конфессиональных плит региона (лютеранской, православной и католической).

Если же подойти к определению «малых» ядер лютеранской и католической плит на микроуровне (уровне уездов), то выявляются интересные моменты. Так, в пределах территорий с преобладанием лютеранской религии можно выделить сразу три «малых» ядра, располагавшихся на востоке Эстляндской губернии, в сердцевицах Лифляндской и Курляндской губерний. Причем эти ядра находились во внутренних, но при этом периферийных частях губерний, то есть были удалены от их административных и экономических центров, представляющих собой контактные зоны [21]. «Малое» ядро территорий с господством католической религии располагалось в Ковенской губернии, а Виленская губерния и Латгалия (запад Витебской губернии) представляли собой «ярко выраженные» контактные зоны.

В советское и постсоветское время все регионы Северо-Запада России стали частью «ядра» православной плиты, так как в них доля иноэтничного населения, традиционно не исповедующего православную религию, стала незначительной. Также за это время Литва превратилась в моноконфессиональную страну, став (вместе с Польшей) частью «большого» ядра католической плиты.

⁸ Рассчитано авторами по: *Демоскоп Weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/search.php>; Population statistics of Eastern Europe & former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org> (дата обращения 15.08.2018).

Эстония в советское время приобрела статус «ярко выраженной» контактной зоны и вместе с Латвией ныне относится к самым поликонфессиональным странам Балтийского региона.

Рассмотрение ИПРМ на микроуровне (административных районов и уездов) позволяет следующим образом определить границы конфессиональных плит к юго-востоку от Балтийского моря (рис. 4).

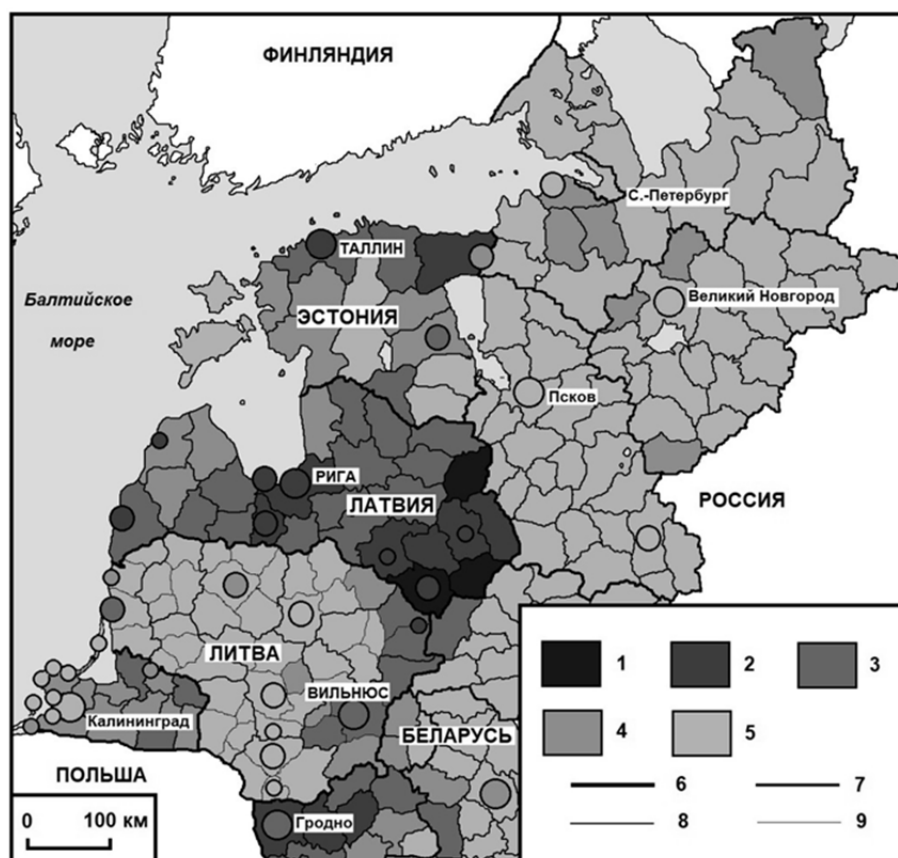

Рис. 4. Индекс потенциальной религиозной мозаичности (в Республике Беларусь — по переписи 2009 года, в России — 2010-го, в Эстонии, Латвии и Литве — 2011-го):
 1 — 0,600 и более; 2 — от 0,400 до 0,599; 3 — от 0,200 до 0,399;
 4 — от 0,100 до 0,199; 5 — 0,099 и менее.
 Границы: 6 — государств, областей (РФ и РБ); 7 — уездов (Эстония и Литва);
 8 — районов (РФ, РБ и Латвия), 9 — самоуправлений (Литва)

Наиболее «мощной» в регионе исследования является православная плита, в ядро которой ныне входят все российские регионы и почти все области Республики Беларусь (исключение — Гродненская область). При этом внешние границы православного ареала выходят за пределы Российской Федерации и Республики Беларусь, а контактные зоны православной плиты — за пределы границ России в Эстонии и Латвии. Так, уезд Ида-Вирумаа (Эстония) и Латгалия (восточный регион Латвии) являются фактически «внутренней пери-

ферией» православной плиты. Столицы Эстонии и Латвии с прилегающими районами и некоторые другие большие города этих стран можно рассматривать в качестве «внешней периферии» православной составляющей конфессионального пространства, а сама контактная зона охватывает значительную часть Эстонии и большую часть Латвии.

На литовско-белорусской границе граница православной плиты меняет свой характер. Часть контактной зоны приходится на восток Литвы (включая Вильнюс), но одновременно к югу от Литвы (в Гродненской области) католическая плита частично накладывается на православную, создавая контактную зону уже на территории Республики Беларусь.

Второй по «мощности» в регионе исследования является католическая плита. Ее ядро охватывает большую часть Литвы (кроме ее восточной оконечности, включающей Вильнюс). Вместе с тем католическая плита имеет свое продолжение в Латгалии, выступающей «ярко выраженной» контактной зоной или, точнее, зоной наложения сразу трех религий: католичества, православия и лютеранства. Характер контактной зоны имеет также продолжение католического ареала в Гродненской области Республики Беларусь. Границы католической плиты на западе с православной плитой (Калининградская область России) и на севере с протестантской плитой (латвийские регионы Курземе, Земгале и Селия) имеют барьерный характер.

Самой «слабой» конфессиональной плитой в регионе является протестантская (лютеранская) плита, которая покрывает Эстонию и основную часть Латвии (без Латгалии). Она продолжает «большую» плиту, охватывающую соседние страны Северной Европы (Швецию и Финляндию). К юго-востоку от Балтийского моря эта плита лишена явных ядер и представляет в большей степени контактную зону, иногда даже «ярко выраженную» (особенно в столицах и больших городах). С одной стороны, «слабость» протестантской плиты связана с активным наступлением на нее православной плиты на протяжении XVIII—XX веков, а с другой — вызвана массовым отходом протестантов от религии, то есть значительной атеизацией и секуляризацией местного населения.

Выводы

К юго-востоку от Балтики расположены территории, обладающие наиболее сложным конфессиональным составом населения в пределах всего Балтийского региона. Именно здесь находится зона стыка трех направлений христианства, определяющих культурную специфику Балтийского региона: лютеранства, православия и католичества. В ходе исследования были выявлены основные компоненты территориальной структуры конфессионального пространства, включающие три конфессиональных плиты и контактные зоны между ними. Наиболее ярко выраженной зоной конфессионального контакта в пределах региона исследования стала территория Латгалии, где значимо представлены все три основные религии региона.

Наиболее древняя и мощная конфессиональная плита региона исследования — православная, ядро которой ныне приходится на регионы Российской Федерации и Республики Беларусь. Края этой плиты надвинулись на современные территории Эстонии и Латвии, значительная часть которых сейчас представляет контактные конфессиональные зоны. Вторая по времени формирования и мощности конфессиональная плита региона — католическая, ядро

которой находится в Литве, а края плиты образуют выступы в Латгалии (на востоке Латвии) и в Гродненской области Республики Беларусь. Наиболее поздней и наименее выраженной конфессиональной плитой региона исследования является протестантская плита (основой которой стала лютеранская религия, закрепившаяся в XVII веке на современной территории Эстонии и Латвии). Данная конфессиональная плита не имеет явных территориальных ядер, зато в значительной степени покрыта контактными зонами с православной плитой. К тому же постепенное растворение данной конфессиональной плиты связано с массовым отходом от религии потенциально протестантского населения, то есть эстонцев и латышей.

Список литературы

1. *Klemeshev A.P., Korneevets V.S., Palmowski T. et al.* Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region // *Baltic Region*. 2017. Vol. 9, № 4; P. 7—28. Doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-1.
2. *Горохов С.А.* Религиозная идентичность как фактор формирования конфессиональных регионов современного мира // *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*. 2012. № 5. С. 49—55.
3. *Горохов С.А.* Трансформация цивилизационного и конфессионального пространства мира в XX — начале XXI в. // *Известия Российской академии наук. Сер. географическая*. 2012. № 6. С. 107—116.
4. *Дворников Ю.В., Дементьева М.Б.* Религиозный ландшафт США как совокупность религиозных геосистем // *Псковский регионологический журнал*. 2017. № 4 (32). С. 16—30.
5. *Сафронов С.Г.* Территориальная структура и динамика современного конфессионального пространства России // *Региональные исследования*. 2013. № 4. С. 87—100.
6. *Андреянова С.И., Андреев Д.Ю.* Биконфессиональность на Северном Кавказе и современные проблемы развития региона // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2013. № 3 (36). С. 45—48.
7. *Горина К.В., Биктимирова Ю.В.* Разнообразие дореволюционного культурно-религиозного ландшафта Забайкальского края // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2013. № 4. С. 80—83.
8. *Eberhardt P.* Etniczne podłoże mozaiki religijnej Półwyspu Bałkańskiego // *Kulturowy aspekt badań geograficznych*. Wrocław, 2008. T. 5. S. 57—72.
9. *Jarnecki M., Palinczak M.* Kwestie i spory religijne na terenie Rusi Zakarpackiej w czechosłowackim epizodzie jej dziejów // *Sprawy Narodowościowe, Seria nowa*. 2014. № 45. S. 88—105. Doi: 10.11649/sn.2014.025.
10. *Mindru P.* The Evolution of the Etnical and Confessional Structure of the Population in the Someşul Mic Valley between 1850 and 2002 // *Geographia Napocensis*. 2009. Anul. 3, № 1. P. 75—85.
11. *Tofan G.-B., Niță A., Nimară C.* The Confessional Structure of Harghita, Covasna and Mureş Counties, in 2011 // *Analele Universităţii din Oradea, Seria Geografie*. 2014. Anul. 24, № 2. P. 166—179.
12. *Biesiadowska-Magdziarz B.* Przyczynek do obrazu szlachty Inflant Polskich w łotewskich źródłach i opracowaniach historycznych początku XX w. // *Acta Baltico-Slavica*. 2014. T. 38. S. 89—97. Doi: 10.11649/abs.2014.009.
13. *Gaučas P.* Lietuvių—gudų kalbų paribio etnolingvistinė situacija 1795—1914 m. // *Lietuvos rytai*. Vilnius, 1993. P. 42—100.
14. *Eberhardt P.* Geografia religii Litwy // *Czasopismo Geograficzne*. Wrocław, 2007. T. 78. S. 161—179.
15. *Eberhardt P.* Problematyka narodowościowa Estonii // *Zeszyty Instytutu Geografii i Przestrzennego Zagospodarowania PAN*. Nr. 47. Warszawa, 1997. S. 3—42.
16. *Eberhardt P.* Problematyka narodowościowa Łotwy // *Zeszyty Instytutu Geografii i Przestrzennego Zagospodarowania PAN*. Nr. 54. Warszawa, 1998. S. 3—67.

17. Балабейкина О.А. Историко-географические аспекты территориальной организации православной церкви в России // Псковский регионологический журнал. 2014. №19. С. 64—73.
18. Safronov S.G. Territorial Structure of the Confessional Space in Russia and Other Post-Soviet States // Regional Research of Russia. 2013. Vol. 3, iss. 2. P. 204—210.
19. Васильева С.В., Паликова Т.В. Конфессиональное пространство окраин Российской империи в XIX — начале XX в. // European Social Science Journal. 2014. №3—2 (42). С. 391—399.
20. Кабузан В.М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII — начале XX в. (1719—1917 гг.). М., 2008.
21. Манаков А.Г. Геокультурное пространство Северо-Запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков, 2002.
22. Сафронов С.Г. Конфессиональное пространство России в начале и конце XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / под ред. Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш. М., 2001. С. 443—460.
23. Озем Г.З. Конфессиональное районирование Беларуси // Вестник Белорусского государственного университета. Сер. 2. Химия. Биология. География. 2008. №1. С. 90—96.
24. Балабейкина О.А. Изменение конфессионального пространства в период с 1917 по 1941 гг. на примере Санкт-Петербургской епархии РПЦ // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований : матер. V междунар. конф. по исторической географии. СПб., 2015. С. 21—25.
25. Манаков А.Г., Дементьев В.С. Динамика конфессионального состава населения Псковского региона во второй половине XIX в. // Религиоведение. 2018. Т. 1, №1. С. 92—102.
26. Дементьев В.С. Территориальное устройство Русской православной церкви Псковского региона в XVIII—XXI вв. // Псковский регионологический журнал. 2018. №3 (35). С. 74—88.
27. Манаков А.Г., Мартынов В.Л., Дементьев В.С. Историческая география Северо-Запада России: население и пути сообщения. Псков, 2017.
28. Манаков А.Г., Чученкова О.А. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 по 2016 г. М., 2017.
29. Пучков П.И. О соотношении конфессиональной и этнической общностей // Советская этнография. 1973. №6. С. 51—65.
30. Горина К.В. Конфессиональное пространство: понятие и его структурные элементы // Система ценностей современного общества. 2012. №24. С. 8—13.
31. Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. №2. С. 33—39.

Об авторах

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

Виталий Сергеевич Дементьев, преподаватель географии Университетского политехнического колледжа, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия.

E-mail: dementjew.vitaly2011@yandex.ru

TERRITORIAL STRUCTURE OF THE DENOMINATIONAL SPACE
OF THE SOUTH-EAST BALTIC

A. G. Manakov¹

V. S. Dementiev²

¹ Pskov State University

2 Lenin Sq., Pskov, 180000, Russia.

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

29 Polytechnicheskaya St., St. Petersburg, 195251, Russia.

Submitted on September 11, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-7

The South-East Baltic is a meeting place of three branches of Christianity: Orthodoxy, Catholicism, and Lutheranism. Dominant in the Baltic region, these religious confessions define the cultural landscape of the area. At the same time, they have an indirect effect on socio-economic development. In this study, we aim to identify the main components of the territorial structure and the formation and transformation factors of the denominational space in the South-East Baltic. The complexity of the denominational structure of the local population stems from the centuries-long position of this region as a political buffer zone.

We calculate the potential denominational structure and the potential religious fractionalisation index at the level of basic territorial units and regions southeast of the Baltic Sea. Based on this, we identify the main components of the territorial structure of the denominational space, which includes three denominational shields and contact zones between them. From a practical viewpoint, these components suggest a new variant of the territorial differentiation of the Baltic region. This variant has only limited relevance to ethnic and socioeconomic zoning.

Keywords: denominational space, North-West Russia, Baltic States, Belarus

References

1. Klemeshev, A. P., Korneevets, V. S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G. M. 2017, Approaches to the definition of the Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 4—20. Doi: 10.5922/2079-8555-2017-4-1.
2. Gorohov, S. A. 2012, Religious identity as a factor in the formation of confessional regions of the modern world, *Vestnik MGU, Seriya 5, Geografiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 5. Geography], no. 5, p. 49—55 (in Russ.)
3. Gorohov, S. A. 2012, Transformation of the civilizational and confessional space of the world in the XX — beginning of the XXI century, *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Geographic series], no. 6, p. 107—116 (In Russ.)
4. Dvornikov, Yu. V., Dementieva, M. B. 2017, The US religious landscape as a collection of religious geosystems, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal], no. 4 (32), p. 16—30 (in Russ.)
5. Safronov, S. G. 2013, Territorial structure and dynamics of the modern confessional space of Russia, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 4, p. 87—100 (in Russ.)
6. Andreyanova, S. I., Andreyanov, D. Yu. 2013, Dual confession in the North Caucasus and the modern problems of the development of the region, *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the North Caucasus Federal University], no. 3 (36), p. 45—48 (in Russ.)
7. Gorina, K. V., Biktimirova, Yu. V. 2013, Diversity of the pre-revolutionary cultural and religious landscape of the Trans-Baikal territory, *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij* [International Journal of Applied and Fundamental Research], no. 4, p. 80—83 (in Russ.)

8. Eberhardt, P. 2008, Etniczne podłoże mozaiki religijnej Półwyspu Bałkańskiego, *Kulturowy aspekt badań geograficznych*, Vol. 5, p. 57—72 (in Pol.).
9. Jarnecki, M., Palinczak, M. 2014, Kwestie i spory religijne na terenie Rusi Zakarpackiej w czechosłowackim epizodzie jej dziejów, *Sprawy Narodowościowe, Seria nowa*, no. 45, p. 88—105. Doi: 10.11649/sn.2014.025 (in Pol.).
10. Mîndru, P. 2009, The Evolution of the Etnical and Confessional Structure of the Population in the Someşul Mic Valley between 1850 and 2002, *Geographia Napocensis*, no. 1, p. 75—85.
11. Tofan, G.-B., Niţă, A., Nimară, C. 2014, The Confessional Structure of Harghita, Covasna and Mureş Counties. In: 2011, *Analele Universităţii din Oradea: Seria Geografie*, no. 24 (2), p. 166—179.
12. Biesiadowska-Magdziarz, B. 2014, Przyczynek do obrazu szlachty Inflant Polskich w łotewskich źródłach i opracowaniach historycznych początku XX w., *Acta Baltico-Slavica*, no. 38, p. 89—97. Doi: 10.11649/abs.2014.009 (in Pol.).
13. Gaučas, P. 1993, Lietuvių—gudų kalbų paribio etnolingvistinė situacija 1795—1914 m., *Lietuvos rytai*. Vilnius, p. 42—100 (in Lit.).
14. Eberhardt, P. 2007, Geografia religii Litwy, *Czasopismo Geograficzne*, Vol. 78, Wrocław, p. 161—179 (in Pol.).
15. Eberhardt, P. 1997, Problematyka narodowościowa Estonii, *Zeszyty IG i PZ. PAN*, no. 47, p. 3—42 (in Pol.).
16. Eberhardt, P. 1998, Problematyka narodowościowa Łotwy, *Zeszyty IG i PZ. PAN*, no. 54, p. 3—67 (in Pol.).
17. Balabejkina, O.A. 2015. Change of confessional space in the period from 1917 to 1941. on the example of the St. Petersburg diocese of the Russian Orthodox Church. In: *Istoricheskaya geografija Rossii: retrospektiva i sovremennost' kompleksnyh regional'nyh issledovanij. Materialy V mezhdunarodnoj konferencii po istoricheskoi geografii* [Historical geography of Russia: a retrospective and modern complex regional studies. Materials of the V international conference on historical geography], St. Petersburg, p. 21—25 (in Russ.).
18. Safronov, S.G. 2013, Territorial structure of the confessional space in Russia and other post-soviet states, *Regional Research of Russia*, Vol. 3, no. 2, p. 204—210.
19. Vasileva, S.V., Palikova, T.V. 2014, Confessional space of the outskirts of the Russian Empire in the XIX — early XX century, *European Social Science Journal*, no. 3—2 (42), p. 391—399 (in Russ.).
20. Kabuzan, V.M. 2008, *Rasprostranenie pravoslaviya i drugih konfessij v Rossii v XVIII — nachale XX v. (1719—1917 gg.)* [The spread of Orthodoxy and other confessions in Russia in the XVIII — early XX century. (1719—1917)], Moscow, 272 p. (in Russ.).
21. Manakov, A.G. 2002, *Geokul'turnoe prostranstvo severo-zapada Russkoj ravniny: dinamika, struktura, ierarhiya* [Geocultural space of the northwest of the Russian Plain: dynamics, structure, hierarchy], Pskov, 300 p. (in Russ.).
22. Safronov, S.G. 2001, Confessional space of Russia in the beginning and the end of the twentieth century. In: Nefedova, T., Polyani, P., Trejvish, A. (eds.), *Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii: sto let peremen* [City and village in European Russia: a hundred years of change], Moscow, p. 443—460 (in Russ.).
23. Ozem, G.Z. 2008, Confessional regionalization of Belarus, *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, ser. 2. Himiya. Biologiya. Geografiya* [Bulletin of the Belarussian State University, vol. 2. Chemistry. Biology. Geography], no. 1, p. 90—96 (in Russ.).
24. Balabejkina, O.A. 2014, Historical and geographical aspects of the territorial organization of the Orthodox Church in Russia, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal], no. 19, p. 64—73 (in Russ.).
25. Manakov, A.G., Dement'ev, V.S. 2018, Dynamics of the confessional composition of the Pskov region population in the second half of the XIXth century, *Religiovedenie* [Religious studies], Vol. 1, no. 1, p. 92—102 (in Russ.).
26. Dement'ev, V.S. 2018, The territorial organization of the Russian Orthodox Church of the Pskov region in the XVIII—XXI centuries, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal], no. 3 (35), p. 74—88 (in Russ.).

27. Manakov, A.G., Martynov, V.L., Dementiev, V.S. 2017, *Istoricheskaya geografiya Severo-Zapada Rossii: naselenie i puti soobshcheniya* [Historical geography of the North-West of Russia: population and means of communication], Pskov, 304 p. (in Russ.).
28. Manakov, A.G., Chuchenkova, O.A. 2017, *Dinamika etnicheskogo sostava naseleniya Estonii i Latvii s 1881 po 2016 g.* [Dynamics of the ethnic composition of the population of Estonia and Latvia from 1881 to 2016], Moscow, 96 p. (in Russ.).
29. Puchkov, P.I. 1973, On the ratio of confessional and ethnic communities, *Sovetskaya ehtnografiya* [Soviet ethnography], no. 6, p. 51—65 (in Russ.).
30. Gorina, K.V. 2012, Confessional space: the concept and its structural elements, *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva* [The system of values of modern society], no. 24, p. 8—13 (in Russ.).
31. Ekkel, B.M. 1976, Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR, *Sovetskaya ehtnografiya* [Soviet ethnography], no. 2, p. 33—39 (in Russ.).

The authors

Prof. Andrei G. Manakov, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

Vitaliy S. Dementiev, Polytechnic College University, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia.

E-mail: dementjew.vitaly2011@yandex.ru

To cite this article:

Manakov, A. G., Dementiev, V. S. 2019, Territorial structure of the denominational space of the South-East Baltic, *Balt. Reg.*, Vol.11, no. 1, p. 92—108. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-7.